

Р. К. Уразманова

**ЕЩЕ РАЗ О ЗАДАЧАХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
НАУКИ В РАЗРАБОТКЕ, ВНЕДРЕНИИ
И СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ОБРЯДНОСТИ**

В наши дни уже не стоит вопрос о том, нужны ли новые обычаи, обряды и праздники, — жизнь, практика идеологической работы, наука подтвердили их огромное значение в воспитании человека, в стабилизации социалистического образа жизни. В таких важнейших партийных документах, как Новая редакция Программы КПСС, Материалы июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» (1985 г.) подчеркивается необходимость широкого распространения, настойчивого внедрения, пропаганды советских обрядов и обычаев.

Новая обрядность, со всеми связанными с нею проблемами, становится предметом пристального внимания исследователей разного профиля. Знаменательно, что сразу в двух статьях второго номера журнала «Советская этнография» за 1986 г. шла речь о задачах этнографов в разработке проблем социалистической обрядности¹. Хотелось бы высказать свое мнение по поднятым в этих статьях вопросам.

Тривиальным стал призыв о необходимости активного участия этнографов в разработке, внедрении и пропаганде социалистической системы обрядности. Уже в 1977 г. И. А. Кривелев писал: «... этнографическая наука и ее кадры должны сделать еще многое для выработки и распространения новой обрядности, активизировать свое участие в этой работе с тем, чтобы оно соответствовало задачам, которые поставил XXV съезд КПСС перед советскими общественными науками»². А через 9 лет в программной статье «Советская этнографическая наука на рубеже двух пятилеток» снова справедливо указывается, что этнографы «все же в целом еще недостаточно активно участвуют в создании и популяризации новой обрядности», и выдвигается задача в ближайшем будущем обратить внимание на усиление связи их теоретических разработок с практикой (с. 12).

В исследовании социалистической обрядности сложилось своеобразное положение. Сейчас довольно хорошо изучены (в основном философами) некоторые теоретические проблемы: роль обрядов и праздников в воспитании; различные функции обрядности — коммуникативная, игровая, эстетическая; обрядность как составная часть образа жизни и

¹ Бромлей Ю. В., Тер-Саркисянц А. Е. Советская этнографическая наука на рубеже двух пятилеток // Сов. этнография (далее — СЭ). 1986. № 2. С. 3—24; Лобачева Н. П., Устинова М. Я. Задачи этнографической науки в разработке, внедрении и совершенствовании социалистической обрядности (семейный цикл) // Там же. С. 24—35 (далее при ссылках на эти статьи в тексте будут указываться только страницы).

² Кривелев И. А. Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении // СЭ. 1977. № 5. С. 41.

т. д.³. Этнографами в ходе полевых работ зафиксирован огромный интерес к обрядности, а также характерный практически для всех народов нашей страны процесс регенерации традиционных обычаев и обрядов (с. 31). Однако механизм связи теории с практикой в плане не только внедрения, но главным образом обрядотворчества, создания самих сценариев обрядов, пока не налажен. Иными словами, доказано огромное значение социалистической обрядности, но самой обрядности, устоявшихся ее ритуалов, сравнительно мало. Осознана необходимость обрядов как системы, как идеологического, социального явления, но нет единого органа в масштабе государства, который бы держал в своих руках все связанные с ними ключевые моменты — от теоретического осмысления обрядов до их претворения в жизнь. Правда, предпринимались определенные меры для координации усилий энтузиастов по проведению новых обрядов. При Советах народных депутатов в свое время были созданы на общественных началах комиссии по пропаганде и внедрению новой обрядности, кое-где они и сейчас функционируют. Однако эффективность работы этих комиссий оказалась слишком малой. Да и объективно они не в состоянии решить те сложные задачи научного, методического, пропагандистского характера, которые возникли и стоят на данном этапе развития советской обрядности.

Практика показывает, что создание и внедрение новых обрядов — работа сложная, требующая серьезного научного подхода, ибо обрядность выполняет важные социальные и идеологические функции. И ошибки в этой работе чреваты негативными последствиями как в воспитании людей, так и в борьбе с отрицательными явлениями, которые все еще, к сожалению, имеют место.

Думается, настало время подготовки специальной целевой программы «Социалистическая система обрядности», осознания ее как одного из приоритетных направлений в обществоведении, предусматривающего конкретные практические выводы. Это способствовало бы планомерному и, следовательно, более активному участию этнографов в разработке социалистической обрядности.

Подготовка целевой программы потребует координации усилий и кооперирования специалистов разного профиля: ученых (философов, этнографов, психологов, социологов), исследующих обрядность, деятелей литературы и искусства (драматургов, режиссеров, композиторов и др.), участие которых необходимо для создания сценариев обрядов и праздников, а также широкого идеологического актива (культпросветработников, партийных, комсомольских, профсоюзных работников и др.), призванного внедрять эти обряды в жизнь.

Идея создания единого научно-методического центра по обрядности не нова. Она не раз обсуждалась на различных конференциях. Выдвигалась она и на организованной Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС в апреле 1985 г. встрече «За круглым столом», специально посвященной проблемам совершенствования социалистической обрядности. Координирующий центр должен быть, очевидно, при Академии общественных наук, ибо обычаи и обряды — явления идеологического порядка. Без такого центра трудно достичь положительных результатов как в создании обрядов, так и в претворении их в жизнь.

Это первое, на что хотелось обратить внимание.

Основные положения статьи Н. П. Лобачевой и М. Я. Устиновой, касающиеся определения роли этнографов и этнографической науки в становлении социалистической системы обрядности, несомненно заслуживают поддержки. Вместе с тем ряд их высказываний, думается, требует уточнения.

Авторы справедливо замечают, что только определение конкретных задач в пределах наших профессиональных интересов даст возможность

³ Угринович Д. М. Обряды. За и против. М., 1975; Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1976; Закович Н. М. Советская обрядность и духовная культура. Киев, 1980, и др.

столь же конкретного их решения, однако сами, к сожалению, ограничиваются лишь констатацией того, что «до сих пор не найдена оптимальная форма сотрудничества, при которой этнографы могли бы принести максимальную практическую пользу» (с. 33). Причем этнографам в создании новой обрядности авторы отводят лишь роль экспертов. По их мнению, «именно этнографы могут, в отличие от работников обрядовой службы, судить о подлинной ценности того или иного обрядового элемента с позиций его этнокультурного, нравственного и социального значения» (с. 34).

Если бы был достаточно отлажен механизм обрядотворчества, этнографы действительно могли бы ограничиться ролью экспертов. Но на данном этапе этого мало. Этнографы, как мне представляется, могут (и должны!) быть инициаторами и организаторами работы по созданию новой, социалистической обрядности. Только культработники, которые, как правило, занимаются этим делом, не могут обеспечить достаточно высокий идейно-художественный уровень обряда, так как обычно плохо знакомы с закономерностями формирования и условиями бытования обрядности. Институты культуры, где они обучались, готовят в лучшем случае режиссеров массовых представлений. Но массовое представление — не праздник и уж тем более не обряд. Культработники, как правило, ориентированы на создание разовых «мероприятий». Сужу об этом со знанием дела, так как читаю лекции по обрядности и методике проведения отдельных праздников на организованных Министерством культуры Татарской АССР курсах повышения квалификации культработников и знаю уровень их подготовленности (в Казанском государственном институте культуры нет соответствующего спецкурса, даже факультативного).

В литературе утвердилось правильное мнение о необходимости организационной связи новой обрядности с традиционной, о включении всего ценного, что есть в последней, в состав социалистической обрядности. Но остается неясным, кто и как должен определять, что именно ценно. Уверена, что лучше этнографов и фольклористов этого никто не сделает, ибо они занимаются исследованием (сбором, анализом) традиционной обрядности, и в их руках сосредоточен эмпирический материал. Однако при изучении литературы по традиционной календарной обрядности не только народов Среднего Поволжья и Приуралья, но и более широкого региона, бросается в глаза удручающее однообразие как в определении целей и задач исследований, так и в выводах: анализ обрядности сводится к поиску ее истоков в далеком прошлом. Описывается, например, какой-то обряд, праздник, а затем констатируется, что это пережиток такого-то общественного строя (скажем, первобытнообщинного), магии (перечисляются виды магии), конкретного культа, верований и т. д. Как справедливо замечает И. В. Суханов, «своего рода универсальным штампом стал прием проецирования любого народного обрядового действия на соответствующее ему по внешней форме действие первобытной магии»⁴.

Методологическая несостоятельность такого подхода была убедительно доказана еще П. Г. Богатыревым. Он писал, что «в большинстве случаев невозможно дойти до первоначального объяснения не только для доисторической индоевропейской эпохи, но и для эпохи более близкой (например, для обрядов в южной Руси)», и призывал «от бесчисленных гипотез о первоначальном значении обрядов или о первоначальной религии в древнеславянский период перейти к экспериментальному анализу фактов, которые мы можем наблюдать ежедневно, к множеству интереснейших проблем, касающихся современного состояния народных верований, обрядов, магических действий и пр.»⁵.

Направленность исследований лишь на поиск истоков, акцентирование внимания только на этой стороне обрядов и праздников невольно

⁴ Суханов И. В. Указ. раб. С. 67.

⁵ Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 174, 178—179.

превращает их в нечто архаичное, не достойное внимания в наш век НТР, век общей высокой культуры. Более того, само понятие «пережиток» содержит в себе элемент негативного. С пережитками борются. В ряде работ традиционные обряды в целом и воспринимаются как пережитки, хотя авторы обычно констатируют, что религиозная (магическая) основа обрядов давно забыта и они превратились в игру, забаву. В конечном итоге это ведет к негативному отношению к праздничной культуре — этому феномену народной жизни в целом. Так, например, раздел, посвященный традиционным народным праздникам чувашей, в исследовании П. В. Денисова озаглавлен «Языческие религиозные праздники и обряды чуваш». Поэтому уже не удивляет отношение автора к этим праздникам и обрядам как к «нелепым и вредным»⁶. В коллективной и весьма содержательной монографии о русском сельском населении Среднего Поволжья встречаем не менее категоричное высказывание: «Традиционные народные праздники не совместимы с нашим мировоззрением». Правда, и здесь отмечается, что изучение их содержания, смыслового значения изменений, вызываемых социально-экономическими преобразованиями, имеет большое научное значение⁷.

Авторы нового, очень интересного исследования о новогоднем празднике у народов Восточной Азии тоже исходят из ставшей трафаретной посылки: «Большая часть традиционных обычаев и обрядов восходит к древнейшим магическим действиям, призванным обеспечить богатый урожай и связанные с ним благосостояние и богатство, здоровье и благополучие семьи и общины»⁸.

Разумеется, выявление истоков обряда необходимо, однако превалирование во всех историко-этнографических работах такого направления исследований ведет к умалению не только других аспектов обрядности, но и ее значения как в прошлом, так и в настоящем. Поэтому с таким трудом идет создание новой обрядности. При составлении сценариев, как правило, с большой осторожностью подходят к отбору элементов традиционной обрядности, включаемых в новый обряд, стремясь создать что-то абсолютно новое, в буквальном смысле этого слова, а оно не приживается. Вместе с тем исследования свидетельствуют о стойкости форм отдельных общественных явлений⁹, в том числе обрядности. Это, возможно, связано с тем, что формы эти (в обрядности — обрядовые действия, атрибуты) складывались веками, шлифовались, постепенно «приспосабливаясь» к меняющимся условиям. Таким образом, многие из них превратились в удобные, привычные, необходимые стереотипы поведения.

Известно, что трактовка обрядовых действий, их идеологическая нагрузка зависит от бытующих традиций. Изменяются традиции — меняется осмысление обрядовых действий. Классическими примерами этого могут служить история обручального кольца, украшения новогодней елки и др.

А этнографы, совершенно правильно отмечая в своих работах, что религиозно-магический смысл обрядов, первоначальное их значение давно забыты, не делают следующего шага. Логически, казалось бы, надо выяснить, а чем же обряды были для их участников, что они им давали. На мой взгляд, необходимо изучать обычаи, обряды и праздники как реальность исследуемого времени, как элементы культуры живущего, развивающегося народа, его образа жизни, а не как пережитки,

⁶ Денисов П. В. Религиозные верования чуваш. Чебоксары. 1959. С. 118—157.

⁷ Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайличенко Е. В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Казань, 1973. С. 70.

⁸ Календарные обычаи и обряды Восточной Азии. Новый год. М., 1985. С. 9.

⁹ Например, Р. Г. Кузеев отмечает, что родоплеменная структура у башкир — племя, род — в XVII—XVIII, да и в более ранние века, не имела ничего общего с экономическим содержанием этих организаций в древности. «Внешняя форма родовой общины оказалась более устойчивой, чем ее экономическое содержание», — пишет он. И далее: «родоплеменная система у башкир проявила большую жизнеспособность и сохранила свою форму вплоть до XIX в.». См. Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. I. Уфа, 1957. С. 58, 65.

причем такого отдаленного прошлого, когда порой и народ, у которого ныне бытует изучаемый обряд, в данном виде еще и не существовал. Пока таких этнографических исследований почти нет. Приятное исключение составляют труды М. М. Громыко¹⁰, отличающиеся, я бы сказала, бережным отношением к традиционным обрядам. К сожалению, ее исследования ограничены XIX веком.

В этой связи хотелось бы привести замечание Ю. В. Бромлей. «Нельзя забывать, — пишет он, — что и сами сохранившиеся от прошлого традиции являются важнейшими функционирующими компонентами каждого жизнедействующего общества»¹¹. Только поняв сам механизм функционирования, можно правильно ориентировать практику. Следовательно, выявление механизма функционирования наряду с созданием максимально полного свода (описания) традиционных и современных обрядов — одна из первоочередных исследовательских задач этнографов. Решение ее несомненно будет максимально способствовать процессу становления и совершенствования социалистической системы обрядности.

Объективный закон о постоянном развитии социальных явлений, в том числе обрядности, довольно часто абсолютизируется. Вот и Н. П. Лобачева и М. Я. Устинова акцентируют внимание на том, что «в сложной, многогранной работе по разработке, внедрению и, главное, совершенствованию советской социалистической обрядности *не может быть одно-разовых, годных на все времена рекомендаций*. Это трудное, но благородное дело *требует постоянного творческого поиска*, совершенствования как формы, так и содержания обрядов...» (с. 34—35; курсив мой. — Р. У.).

Все это верно лишь при учете и других закономерностей в развитии обрядности. Для того чтобы то или иное явление стало традицией, во-первых, требуется время, часто немалое. Интересно по этому поводу замечание С. А. Арутюнова: «Иновация не может полностью обратиться в традицию, пока живет поколение, выросшее в лоне иной традиции, или пока воспоминание о былой традиции живо в коллективной памяти этноса. Это значит, что для установления общезначимой традиции необходим срок не менее полувека, а может быть, и значительно больше. В малых коллективах типа учебных заведений или войсковых частей, цикличность действия и смена состава которых исчисляются лишь годами, полное укоренение традиции может осуществиться всего за несколько лет»¹². Во-вторых, необходима повторяемость, определенная стабильность. Без повтора не может выработаться обряд.

Все это в теоретическом плане достаточно глубоко аргументировалось в работах философов, да и этнографов¹³. Призыв к постоянному поиску нового в обрядотворчестве невольно ставит под сомнение необходимость серьезной работы по созданию сценариев обрядов.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на выводы К. В. Чистова: «... стереотипы могли становиться стереотипами только благодаря их определенному свойству (или качеству) — *пластичности*, т. е. способности адаптироваться (функционализировать) в типовых, но все-таки изменчивых ситуациях. Поэтому есть все основания говорить о варьировании самих стереотипов, а не только нестереотипизированных форм человеческой деятельности. На эту особенность традиции обычно мало обращается внимания, так как этнографов (так же как фольклористов) интересуют не столько отдельные вещи, явления или тексты и их эмпирические особенности, сколько их *типы, модели* (курсив мой. — Р. У.).

¹⁰ Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций//СЭ. 1984. № 5. С. 70—80; Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986, и др.

¹¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 69.

¹² Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция//СЭ. 1981. № 2. С. 98.

¹³ См., например: Угринович Д. М. Указ. раб.; Суханов И. В. Указ. раб.; Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. С. 107—127, и др.

Этнографы обычно оперируют некими обобщениями, абстракциями, мысленно освобожденными от эмпирических частных, в том числе и от такой частности, как варьирование»¹⁴.

Когда мы говорим о необходимости единых сценариев, имеется в виду создание именно типов, моделей, не только допускающих, но и предусматривающих вариативность, рассчитанных на вариативность. Создание единых сценариев не повлечет за собой однообразия в жизни (а такое опасение высказывается). Как не бывает двух абсолютно одинаковых спектаклей, поставленных по одной пьесе разными режиссерами, так не может быть и двух абсолютно одинаковых ритуалов в обрядовой практике: в процессе внедрения ритуал будет обогащаться национальными и региональными чертами, что-то привнесет в него меняющийся контингент участников. Уже это обусловит своеобразие каждого обряда, праздника, т. е. их вариативность.

Необходимость создания таких моделей обрядности связана с тем, что стихийность в обрядотворчестве нередко ведет к нежелательным результатам. Это неоднократно отмечалось этнографами (см. с. 32)¹⁵. Однако критика, даже самая справедливая, без предложения чего-то позитивного, как правило, малоэффективна. Уже много лет критикуются мешанские вкусы, формализм, помпезность в проведении новых обрядов, а воз, как говорится, и ныне там. И объективности ради надо сказать, что организаторов ругают-то чаще всего за неумение. Это по существу не столько их вина, сколько беда. Надо бы сначала показать, как проводить обряд, обучить этому, а потом уж критиковать.

Как обучить? Вот один из примеров. Доказано, что создание благоприятного социально-психологического и нравственного фона для функционирования новой обрядности предполагает перенесение ее в ту среду, где она воспринимается активно¹⁶. Исходя из этого, предложенный мной Ленинскому райкому партии г. Казани сценарий ритуала торжественного вручения паспорта¹⁷ был направлен во все учебные заведения района, где есть 16-летние. Проведен семинар с приглашением организаторов внеклассной работы, секретарей комсомольских организаций, работников культпросветучреждений, работников паспортного отдела. На семинаре говорилось о важности этой работы и о том, как проводить ритуал. Там же были розданы сценарии, а также приглашительные билеты, папка наставника и т. д. На следующем семинаре в одной из школ района был показан сам ритуал: вручались паспорта группе учащихся. Участники семинара задавали вопросы, высказывали свое отношение к ритуалу (кстати, этот семинар был записан на видеопленку и показан по республиканскому телевидению). Сейчас в Ленинском районе Казани торжественное вручение паспортов проводится в основном в школах и других учебных заведениях.

Н. П. Лобачева и М. Я. Устинова отмечают необходимость фундаментального изучения социальных, идеологических и других последствий развития новой обрядности (с. 32). Конечно, такие исследования правомерны и, очевидно, нужны¹⁸. Однако на данном этапе гораздо важнее прогнозировать, предвидеть, хотя бы в самых общих чертах, последствия (социально-психологические, идеологические и др.) внедрения тех или иных обрядов и праздников, ибо воздействие некоторых элементов ритуала может оказаться негативным. Например, ленинградцы, включая посещение «зала шампанского» в комплекс ритуала торжественной

¹⁴ Чистов К. В. Указ. раб. С. 118.

¹⁵ См. также Бромлей Ю. В. О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности//СЭ. 1983. № 6. С. 22.

¹⁶ Филимонов Э. Г. Актуальные проблемы развития и совершенствования социалистической обрядности и ее роль в формировании научно-материалистического мировоззрения//Социалистические традиции, праздники, обряды — важное средство коммунистического воспитания. Ташкент, 1985. С. 36.

¹⁷ За основу взяты разработанные на Украине рекомендации, см.: Торжественное вручение паспорта гражданина Союза СССР. Киев, 1978.

¹⁸ См. также Бромлей Ю. В. О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности. С. 22—23.

регистрации брака (в 1959 г. во Дворце бракосочетания № 1), конечно, не предполагали, что именно «шампанское» станет одним из основных моментов так называемой торжественной регистрации брака во многих сельских советах и загсах страны. Мне не раз во время экспедиционных поездок приходилось быть свидетельницей таких застолий — поздравлений молодоженов, где поднимали бокалы (стаканы) не только с шампанским, но и с коньяком, водкой и даже самогоном.

В Ленинграде, Москве, Казани и других крупных городах довольно быстро отказались от этих «залов шампанского», а вот в сельских советах сделать это гораздо труднее: официальных-то «залов» там не было и нет. Родственники и друзья молодоженов все необходимое, с их точки зрения, приносят с собой.

Во многих работах¹⁹, в том числе и в статье Н. П. Лобачевой и М. Я. Устиновой, высказывается мысль о необходимости тщательно изучать отношение к новой обрядности различных категорий населения (с. 33), в частности «подробнее ознакомиться с запросами молодежи и ее мнением о новой обрядности» (с. 34). «Назрела настоятельная необходимость, — пишут они, — средствами массовой пропаганды (печать, радио, телевидение) систематически формировать общественное мнение в духе нетерпимости к проявлениям мещанства и ложной идейности под лозунгом современных социалистических обрядов» (с. 34). Конечно, все это верно. Но сейчас, как показывает практика, важнее формировать позитивное общественное мнение о складывающейся системе социалистической обрядности, ставя заслон стихийности в обрядотворчестве, не допуская в него «мещанство» и «ложную идейность», управляя этим процессом. Необходимость такого управления и возможность его теоретически доказаны. Каким может быть мнение о неудачном ритуале, «подаваемом под лозунгом» современных обрядов? Естественно, отрицательным. К сожалению, уже наблюдаются нежелательные симптомы: ошибки при создании и внедрении новой обрядности ведут к ее дискредитации. Так, Э. Г. Филимонов отмечает, что кое-где новые обряды теряют популярность у населения²⁰.

Хочу обратить внимание еще на один частный момент. Говоря о существующей атрибутике в ритуале торжественной регистрации брака, Н. П. Лобачева и М. Я. Устинова ставят под сомнение правомерность употребления государственной символики во время акта регистрации брака, так как «в день бракосочетания у участников обряда господствует, если можно так выразиться, лично-семейный настрой, который едва ли может на протяжении обряда трансформироваться до чувств общности с государством, а именно этого предполагается достичь использованием в некоторых случаях государственного флага и других подобных символов» (с. 31). Думается, такое мнение не совсем верно. Ведь регистрация брака — это акт признания государством законности вновь созданной семьи. В этом суть ритуала, и едва ли ее следует умалять. Слишком высокопарно звучат слова о чувстве общности с государством. Действительно, оно не приходит, но ведь оно и не предполагается. Просто в государственном учреждении — Дворце бракосочетания, загсе, сельском Совете санкционируется акт создания новой семьи. В Татарии, например, особенно в городах, где есть специальные помещения, широко используется, учитывая, в частности, украинские рекомендации²¹, государственная символика — герб республики, красное полотнище. Кстати, в оформлении комнат (трудно назвать их залами), в которых проводится регистрация брака, мне приходилось видеть плакаты с переплетенными кольцами и надписью «Совет да любовь» и другими пожеланиями молодоженам, настраивающими на свадебный, игриво-застольный лад. Не буду категорично отрицать правомерности подобной

¹⁹ См., например: Социалистические традиции, праздники и обряды — важное средство коммунистического воспитания. Ташкент, 1985. С. 36.

²⁰ Там же. С. 37.

²¹ См.: Рекомендации к обрядам «Бракосочетание» и «Рождение»//Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981. С. 142—149.

атрибутики, однако торжественность акта регистрации в таких случаях снижается.

Так какой же должна быть атрибутика ритуала торжественной регистрации брака? Вопрос этот чрезвычайно актуален, ведь в стране ежедневно регистрируются сотни браков, и от ученых ждут компетентных рекомендаций, которым практики, как правило, готовы следовать. Эти рекомендации несомненно должны быть выше уровня вкусов и взглядов отдельного человека, пусть даже и исключительно талантливого исследователя.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание,— это проблема пропаганды социалистической системы обрядности. Без кардинального решения ее едва ли будет успешно осуществлен процесс внедрения новых обрядов. Известно, что убедительна лишь та пропаганда, которая основана на глубоком знании. Следовательно, необходимо обучение. Мне представляется целесообразным введение в высших учебных заведениях курса лекций и практических занятий по проблемам обрядности для студентов-обществоведов, гуманитариев, педагогов, а для остальных — на факультетах общественных профессий; такие же занятия — в системе курсов повышения квалификации партийных, советских, комсомольских, профсоюзных работников; надо использовать для пропаганды обрядов общество «Знание», а также телевидение и кино. И для этнографов здесь непочатый край работы, причем, повторяю, крайне важной, но трудной, требующей много сил, энергии, времени.

Необходимое упорядочение всей этой деятельности станет возможным, если она составит часть плановой работы институтов и конкретных сотрудников и будет соответствующим образом стимулироваться, а не основываться на одном энтузиазме.

Желателен также регулярный обмен мнениями по проблемам обрядности и на страницах журнала «Советская этнография».

Г. А. Комарова

ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ПРИ ВЫБОРЕ БРАЧНОГО ПАРТНЕРА

**(по материалам Службы брачных объявлений
в Уфе и Чебоксарах)**

Согласно Всесоюзной переписи населения 1979 г., в нашей стране в целом сложилась благоприятная демографическая ситуация: количество мужчин и женщин в возрасте до 50 лет примерно одинаково, что, казалось бы, должно положительно отразиться на брачной ситуации. Однако на фоне благополучных математических подсчетов число людей этого возраста, не состоящих в браке, возрастает год от года. В жизни зачастую возникает противоречие между теоретической вероятностью заключения брака и возможностью его осуществления на практике.

Специалисты называют ряд причин этого явления: диспропорция по полу в отдельных возрастных группах; нарушение половозрастной структуры в отдельных районах страны; недостатки полового воспитания детей и т. д. Все чаще проблема одиночества упирается в проблему общения, в трудность расширения круга знакомств с целью встречи потенциального брачного партнера. Исчезают из быта традиционные формы и способы знакомств.

Служба брачных объявлений, возникшая в стране полтора десятилетия назад и получившая признание и развитие в нескольких десятках городов, призвана помочь разрешить противоречия между потребностью